

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.28>

**ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНОВ
«ЛОЛИТА» В. НАБОКОВА И «МЕСЯЦ ВОСКРЕСЕНИЙ» ДЖ. АПДАЙКА**

Научная статья

Беляева В.Е.^{1,*}, Ахмедова Э.Т.²

¹ ORCID : 0009-0008-0540-1424;

² ORCID : 0009-0004-3926-1889;

^{1,2} Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ensignru[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются примеры многоуровневого идейно-эстетического соответствия романов Джона Апдайка «Месяц воскресений» (1974 г.) и знаменитого романа Владимира Набокова «Лолита» (1955 г.). Исследование прослеживает параллели в элементах сюжета, мотивике, создании образов главных героев, стилистике повествования. Принимая во внимание приверженность Апдайка писательскому таланту Набокова и одобрительным отзывам русско-американского гения о работах молодого автора, в статье делается вывод о том, что «подражание» набоксовскому стилю в «Месяце воскресений» является сознательным и принципиальным, и преследует целью углубить понимание читателем данного романа за счет привлечения интертекстуальных реминисценций и смыслов.

Ключевые слова: оммаж, литературная параллель, интертекстуальность, аллюзия, каламбур, стилизация, пастиш.

**THE IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PARALLELS IN CREATING IMAGES OF THE MAIN CHARACTERS IN
V. NABOKOV'S NOVEL "LOLITA" AND "A MONTH OF SUNDAYS" BY J. UPDIKE**

Research article

Belyaeva V.E.^{1,*}, Akhmedova E.T.²

¹ ORCID : 0009-0008-0540-1424;

² ORCID : 0009-0004-3926-1889;

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (ensignru[at]mail.ru)

Abstract

The article considers examples of multi-level ideological and aesthetic correspondence between John Updike's novel "A Month of Sundays" (1974) and Vladimir Nabokov's famous novel Lolita (1955). The study traces parallels in the elements of plot, motivation, creation of characters, and narrative style. Taking into account Updike's commitment to Nabokov's writing and the Russian-American genius' approval of the young author's works, the article concludes that the "imitation" of Nabokov's style in "The Month of Sundays" is conscious and principled, aiming to deepen the reader's understanding of this novel by bringing in intertextual reminiscences and meanings.

Keywords: homage, literary parallelism, intertextuality, allusion, pun, stylization, pastiche.

Введение

Романы «Лолита» (1955 г.) и «Месяц воскресений» (1974 г.) связаны между собой тугими нитями интертекстуальности: апдайковский роман сознательно имитирует исповедальный тон Гумберта и «литофанический» [1, С. 314] стиль Набокова. Джон Апдайк не встречался с Набоковым лично, однако хорошо знал его творчество. Однажды ему довелось присутствовать на открытой лекции великого русского писателя в Корнельском университете. Также слушателем литературных курсов Набокова была первая жена Апдайка. По собственному признанию американца, именно «красота», «юмор», и «точность» набоксовской прозы – это то, чему Апдайку самому хотелось бы подражать. (The beauty and the comedy, and the poignancy often, of his prose, are something I'm happy to imitate if I can.) [10]. Любовное отношение к красоте языка, упоение стилистическими изысками, глубокий психологизм, не чурающийся натуралистического комментария, – все это роднит прозу Апдайка и Набокова. Сам Набоков положительно отзывался о рассказах Апдайка, напечатанных в литературном журнале «Нью-Йоркер», где печатался и сам Набоков. (I like so many of Updike's stories that it was difficult to choose one for demonstration and even more difficult to settle upon its most inspired bit [7]). Отголоски влияния Набокова на творчество Апдайка слышны во многих произведениях американского писателя. Однако именно в «Месяце воскресений» интертекстуальные отсылки к «Лолите», как к эталонной исповеди нераскаявшегося грешника проявляются наиболее рельефно.

Актуальность данного исследования заключается в его вкладе в непрекращающуюся дискуссию о влиянии Набокова на эстетику американских писателей следующих поколений.

Незначительное количество исследований, посвященных сравнительному анализу творчества В. Набокова и Дж. Апдайка, указывает на недостаточную степень разработанности проблемы художественного диалога этих авторов которые, в свое время, были не только коллегами по журналу «Нью-Йоркер», но и следили за творческими успехами друг друга. Данная статья призвана использовать исследовательский потенциал этой проблемы.

Методы и принципы исследования

Основными методами анализа в данной работе являются историко-биографический, герменевтический, сравнительно-типологический, стилистический анализ.

Основные результаты

Первые признаки пастишизации «Месяца воскресений» по отношению к исповеди «белокожего вдовца» ощущаются на уровне стилистики художественного текста. Риторика обоих персонажей (которые, кстати сказать, являются ровесниками: Гумберту примерно тридцать семь лет, Маршфилду – сорок один) нарочито диалогична: знаменитые гумбертовские обращения к «присяжным заседателям» (“ladies and gentlemen of the jury” [6, С. 7], “gentle women of the jury” [6, С. 139], “gentlemen” [6, С. 77], “my learned reader” [6, С. 52]) имитируются Томасом Маршфилдом: “gentle reader” [8, С. 6], “you insatiable ideal reader” [8, С. 78], “gentle reader” [8, С. 139]). Также Гумберт упоминает, что пишет «под наблюдением»: “I’m writing under observation” [6, С. 8]), а Томас вторит ему: “I do feel someone is reading these pages” [8, С. 38]. Подобная переключка обращений к читающему вместе с пониманием того, что данные эпистолы получают огласку, создает иллюзию сопричастности читателя грехопадению персонажей и приглашает его к диалогу. Апдайк заимствует и набоковские риторические обращения: “O Alicia, my mistress, my colleague, my adviser, my betrayer, what would I not give....” [8, С. 37] (Ср. с “Lolita, light of my life, fire of my loins” [6, С. 7]).

Апдайк всегда открыто восхищался красотой набоковского стиля и старался, по мере художественной необходимости, подражать ему. В «Месяце воскресений» такое стилистическое подражание носит демонстративный характер. В каламбурах, которыми Апдайк наделяет речь Томаса, не только в очередной раз проявляется грешная сущность похотливого священника: в них, в первую очередь, видна аллюзия на набоковские каламбуры, вложенные в уста Гумберта. Томас каламбурит: “Good criddence” [8, С. 5]. “Criddence” – это окказионализм, который образуется от слияния слов “credo” и “riddance”. У Набокова Гумберт предпочитает характеризовать свое движение как “crippling up to” Lolita [6, С. 59], соединяя лексемы “cripple” и “creep”. У Апдайка видим игривое: “frolicsome rite of refrocking” [8, С. 3], Набокова забавляет нарочитая аллитерация вычурного имени Clarence Choate Clark [6, С. 1].

Апдайк не обошел вниманием и знаменитые набоковские парентетические конструкции: “I crept from window to window, meeting tactile differentiations among the variety of shrubs the local nursery (which piously kept its Puerto-Rican peony-pluckers in a state of purposeful peonage) had donated to our holy cause of parsonage improvement [8, С. 13]. У Набокова видим: “The main bathing facilities (or “drowning facilities” as the Ramsdale Journal had had occasion to say) were in the left (eastern) part of the hourglass, and could not be seen from our covelet” [6, С. 95]. Более подробно об этом приеме у Набокова сказано в статье Сафоновой и Чупряковой [2].

Введение в англоязычный текст произведения оригинально обыгрываемых цитат на латыни – узнаваемый набоковский прием. Гумберт, оставшись с Лолитой наедине, вслушивается в звуки мотельного холла: “Seva ascendes, pulsate, brulans, kitzelans, dementissima. Elevator clatterans, pausa, clatterans, populus in corridoro...” [6, С. 136]. В этом пронизанном страстью эпизоде звучат отголоски любовной лирики Катулла и Петрарки, при этом бытовые приземленные детали – лифт, шаги и гомон людей в коридоре, звуки подъемного механизма – снижают пафос страсти и сообщают эпизоду дополнительный комизм. Набоков ставит в один ряд лексические единицы из разных регистров, сопоставляя, таким образом, высокое и низкое, комическое и серьезное. Так экстатический восторг Гумберта превращается в карикатуру.

Оценивая эмоциональный эффект творчества своего старшего современника, Апдайк как-то сказал, что Набоков пишет единственно верным способом: “Nabokov writes prose the only way it should be written: *ecstatically* (курсив мой – БВ)” [5]. Экстаз Гумберта, который понимает, что скоро станет полновластным владельцем объекта вождения, может быть описан только имитацией высокой латыни. Причем именно имитация, пародия и будет прямым указанием на ироничное отношение Набокова к своему герою. Апдайк перенимает подобную технику у Набокова. Томас Маршфилд также использует латынь, вернее, те неглубокие знания латыни, которые ему доступны. И в его случае это не безумная экзальтация Гумберта, а горделивое хвастовство (см. “motor immotus” [8, С. 77]), словно кричащее: «Смотрите! Я человек ученый».

Гордыня, сладострастие, лицемерие – все эти черты роднят двух персонажей. Однако краеугольным отличием является мистический страх Гумберта перед необъяснимым, в то время как для Маршфилда в буквальном смысле не осталось ничего святого. Он не боится обыгрывать слова Иисуса в очередном каламбуре: “I come to bring not peace but a peace demonstration” [8, С. 69], – намекая на молодежные демонстрации шестидесятых и протесты против водородной бомбы семидесятых в США. Первая часть цитаты “I come to bring not peace” с небольшим грамматическим изменением приводится Апдайком из Евангелия от Матфея (10:34): “I have not come to bring peace, but a sword” [4].

Апдайк не мог оставить без внимания знаменитые эпитеты Набокова. Эпитеты, вложенные в уста священника-болтуна, однако, не являются простым подражанием стилю мастера, – Апдайк лишь делает свою аллюзию более ощутимой, прозрачной для читателя. На момент создания «Месяца воскресений» у Апдайка уже имеется несколько романов, положительно отмеченных критиками, а также значительное количество рассказов, которые снискали похвалу от самого В. Набокова. В качестве примера «набоковских» эпитетов у Апдайка можно привести следующие: “ungirded loins”, “limp-wristed theology”, “custardly confection” [8, С. 13]. Стилистическая чуткость Апдайка не обошла вниманием еще одну особенность стиля Набокова: его знаменитые спунеризмы. У Набокова Гумберт шепчет Лолите: “Show wight ray” вместо “Show the right way” [6, С. 136]). Состояние Томаса, шокированного внезапной встречей с подчиненным, который только что был с его любовницей, также передается читателю спунеризмом: “Ned Bork... wearing a tangled shirt and an unbuttoned beard” [8, С. 79], в котором местами меняются эпитеты “tangled” и “unbuttoned”.

Аллитерация у Набокова и Апдайк также является важным стилистическим приемом. У Апдайк читаем: “She slammed the door. Snuggled and shrugged into place behind the wheel...”: “sl – sn – shr” и удвоение “mm”, “gg”, “gg” [8, С. 79]. У Набокова: “the same silky supple bare back”: “s – s – s – b – b” [6, С. 41].

Включение драматического диалога в роман также является набоковским приемом в романе Апдайк. Примером тому у Набокова служит знаменитая сцена в мотеле, где Гумберт встречается со своим alter ego Куилти [6, С. 143]. Апдайк, в свою очередь, драматизирует воображаемый разговор жены и любовницы Томаса Маршфилда [8, С. 92].

Хронотопические характеристики обоих романов сигнализируют о родстве смыслов «Лолиты» и «Месяца воскресений»: оба героя находятся в состоянии физической несвободы (Гумберт – в тюрьме, Томас – в реабилитационном центре для священнослужителей) и «путешествуют» в рамках возможностей своей памяти. Таким образом, исповедальный нарратив и того и другого персонажа находится в плоскости иллюзорного времени, места и даже самого действия. Иллюзия, выдумка и нарочитая театральность являются основной характеристикой обоих образов. Живя в состоянии двоемирия, и Гумберт, и Томас, с одной стороны, вынуждены прятать свои грехи, опасаясь заслуженного наказания, с другой, – испытывают страстную потребность выставить свою греховную натуру напоказ. Такой психологический эксгибиционизм оказывает сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя.

Героев роднит и отношение к своей жизни как к игре. Примером тому может служить эпизод выбора Гумбертом маски в стиле сказки про Большого Серого Волка, который охотится на Красную Шапочку: “Mlle Humbert, that deer-voiced D.P., Berthe au Grand Pied” [6, С. 72]. Также показательны гумбертовские муки выбора подписи в очередном мотеле: “Humbert and daughter? Humbert and small daughter? Homburg and immature girl? Homburg and child? ... Miserly Hamburg!” [6, С. 122]. У Апдайк Томас Маршфилд видит свою жизнь как кукольное представление: “First you whittle the puppets, then you move them around” [8, С. 12]. Священник признается и в том, что его лицо представляет собой непроницаемую маску: “These eyes – holes of a mask” [8, С. 7].

Немаловажную роль играет сюжетная оптика романов – оба героя являются наблюдателями по своей природе. При этом Томас предпочитает наблюдать извне, через оконное стекло, находясь на улице [8, С. 15], а Гумберт – скрываясь внутри дома и часто – подглядывая из окна ванной комнаты [6, С. 43, 212, 24, 277, 278].

Интересно сравнить пластику движений героев «Лолиты» и «Месяца воскресений». И Гумберт, и Томас передвигаются, ползая, словно змеи (Томас) и насекомые (Гумберт). К арахноподобному описанию Гумберта примешивается и ощущение физической ущербности, отвратительной увечности (см. “Humbert the Wounded Spider” [6, С. 59]). Томас, описывая себя, вспоминает строку из «Бытия», где был проклят змей: “upon thy belly shalt thou go” [8, С. 14]. При этом глагол “to creep” (ползать, ползти) применяется в романах по отношению к обоим героям.

Сравнения персонажей и их сюжетных ипостасей с определенными видами животных или птиц – еще одна отличительная черта творчества Набокова и Апдайк. Томас напоминает себе тупоголового броненосца в своем желании выследить свою неверную любовницу: “cretinous and cunning as an armadillo, I lay there bathed in mulch chips” [8, С. 15]. Он же крадется между домами соседей, «когтями» прикрывая свою лапу [8, С. 14]. Гумберт видит себя в образе стервятника, строя планы забрать Лолиту из лагеря после внезапной кончины ее матери: “never had I thought I had such strong talons” [6, С. 111].

Оба чувствуют себя хищниками и периодически преследуемыми. Подобные параноидальные ощущения героев проистекают из осознания своей греховности и одновременного нежелания быть пойманными и наказанными. Так, Томас чувствует себя неуютно, когда очередная любовница приводит его к себе в дом с огромными панорамными окнами (“There felt to be no corner in its rooms where one might embrace unseen”) [8, С. 130]. Гумберт живет с постоянным ощущением слезки [6, С. 247]. Роднит персонажей и бессонница, которая является индикатором душевных мук Гумберта и Томаса [6, С. 123, 141, 289], [8, С. 10, 76, 188].

Мотив расколотого мира характерен для обоих романов. И Гумберт, и Томас Маршфилд живут в мире иллюзий, противопоставляя своё придуманное счастье внешнему миру «нормальных» людей. Читатель может обмануться, проникнувшись романтическим мотивом двоемирия, который явно присутствует в нарративе Гумберта и Томаса, – однако оба писателя четко указывают на ненормальность душевной организации своих героев. Анализируя метареальность, в которой обитают Гумберт и Томас, можно найти еще одну важную параллель – оба персонажа не смогли преодолеть инициацию во взрослый мир и выйти из детского мироощущения. У Гумберта такая патология проявлена очень ярко: он воспринимает себя как принца в сказке, а свою фантазмагорическую реальность называет “Princedom by the Sea” [6, С. 7]. Важно указать на то, что prince и его princedom противопоставлены архетипическому образу короля и его королевству, как детство противопоставлено зрелости. Гумберт проходит мимо Лолиты в своей adult disguise [6, С. 42]. Так он обозначает для читателя то, как он себя ощущает в мире взрослых, – мальчиком, играющим роль состоявшегося мужчины. Томас, изменяя жене с многочисленными прихожанками своей церкви, действует в похожем ключе: порывая с моралью, он отрицает свой возраст и статус [8, С. 37]. Более того, целомудрие для Томаса становится равным смерти. В один ряд он ставит “silence, chastity and death” [8, С. 20].

Пожалуй, именно по отношению к метафизическому феномену Смерти герои Набокова и Апдайк обнаруживают кардинальное отличие. Гумберт Гумберт ведет свое повествование «из могилы» – о его кончине предупреждается еще в первых строках «Лолиты». Таким образом, весь роман будто бы окутан потусторонним светом сумрачной фантазии. Гумберт внушает омерзение многим читателям не только вследствие своих поступков, но и по причине сопутствующего этому образу духу декаданса, разложения, патологии. Томас же более, чем жив, хотя потребности его живой плоти превосходят стремления духа. «Слабые» места христианского протестантизма в его американском осмыслении – одна из основных тем творчества Апдайк. Будучи адептом литературного гения Набокова, Апдайк строит свой роман на знаковом для мировой классики фундаменте – произведении, в равной мере говорящем о грехе и о состоянии американской культуры середины XX века.

Фиксация Томаса Маршфилда на телесных ощущениях (первый корень фамилии героя – ‘marsh’ весьма метафорично означает «болото», герой как бы затянут в пучину греха) интертекстуально проецируется на образ

Гумберта, наделяя образ священника дополнительными смыслами, и задает вектор эмоционального отклика читателя. Более позднему персонажу, как правило, достается чин пародии, вследствие невозможности повторения пафоса оригинала. Так случилось и с Томасом. Тем не менее, сатириазис, которым страдает (или, скорее, наслаждается) герой, которому по должности и социальному статусу положено служить примером нравственной чистоты, является для Апдайка проблемой уровня набоковского Гумберта. Другими словами, – характер искушений, которым регулярно поддается Томас Маршфилд, позволяет Апдайку сравнивать их с беззакониями Гумберта.

Апдайковский герой всегда определяет себя через свои отношения с Богом. И в этом еще одно его отличие от Гумберта. Б. Аверин отмечал исключительную важность мистического опыта для В. Набокова [1]. Апдайк, напротив, большей частью своей философии обязан рациональному осмыслению христианской доктрины. Именно поэтому его герои в своих рассуждениях оперируют таким широким спектром религиозно-философских высказываний. Гумберт повсеместно ощущает присутствие потусторонней демонической силы – которую нарекает Фатумом [6, С. 54, 56, 120, 131, 239, 291]. Набоковский персонаж словно снимает с себя ответственность за свои грехи, перекладывая их на внешнее Зло. В свою очередь, Томас Маршфилд сохраняет верность девизу “*mea culpa*”, однако пытается найти рациональное оправдание своим многократным грехопадением то в отсутствии «внимания» Бога к подобным эпизодам жизни человека: “No sirens had arisen in the night to pursue me. No angels materialized on the staircase” [8, С. 15], то объясняя такое поведение самой сущностью человека: “People were as messy then as they are now...” [8, С. 155].

Заключение

В качестве итога можно утверждать, что именно осознание Дж. Апдайком глубочайшего художественного потенциала произведения Владимира Набокова «Лолита» послужило импульсом к созданию его собственного романа. Особенности сюжета, образ главного героя, стилистика повествования, интертекстуальные переключки – все это является откликом Апдайка на впечатливший его роман Набокова.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аверин Б.В. От Толстого до Набокова: Из истории русской литературы / Б.В. Аверин. — Спб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит», 2014. — 392 с.
2. Сафонова С. С. Функционально-семантический статус парантез в художественном дискурсе В. В. Набокова / С. С. Сафонова, О. А. Чупрякова // Филология и культура. — 2017. — № 1(47). — С. 91-96.
3. Чернавина А.А. Функциональная и типологическая классификация рифмы в романе Набокова «Лолита» / А.А. Чернавина. — 2006.
4. Bible Hub. — URL: <https://biblehub.com/matthew/10-34.htm> (accessed: 27.02.2023)
5. Masters K. Of John Updike and Vladimir Nabokov / K. Masters. — URL: <https://blog.bookstellyouwhy.com/bid/241895/Of-John-Updike-and-Vladimir-Nabokov> (accessed: 27.02.2023)
6. Nabokov V. Lolita / V. Nabokov. — Penguin Books, 2011. — 361 p.
7. Popova M. Nabokov on Inspiration and the Six Short Stories Everyone Should Read / M. Popova. — URL: <https://www.themarginalian.org/2013/06/17/nabokov-inspiration-1972/> (accessed: 27.02.2023)
8. Updike J. A Month of Sundays / J. Updike. — Penguin Books, 2007. — 228 p.
9. Updike J. Professor Nabokov / J. Updike. — URL: <https://www.nybooks.com/articles/1980/09/25/professor-nabokov/> (accessed: 27.02.2023)
10. Zanganeh L.A. Updike Redux / L.A. Zanganeh. — URL: https://www.guernicamag.com/updike_11_15_10 (accessed: 27.02.2023)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averin B.V. Ot Tolstogo do Nabokova: Iz istorii russkoj literatury [From Tolstoy to Nabokov: From the History of Russian Literature] / B.V. Averin. — Spb.: N.I. Novikov Publishing House; Publishing House "Galina Skripsit", 2014. — 392 p. [in Russian]
2. Safonova S. S. Funkcional'no-semanticheskij status parantez v hudozhestvennom diskurse V. V. Nabokova [Functional and Semantic Status of Parentheses in the Artistic Discourse of V. V. Nabokov] / S. S. Safonova, O. A. Chupryakova // Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]. — 2017. — № 1(47). — P. 91-96 [in Russian].
3. Chernavina A.A. Funkcional'naya i tipologicheskaya klassifikaciya rifmy v romane Nabokova «Lolita» [Functional and Typological Classification of Rhyme in Nabokov's Novel "Lolita"] / A.A. Chernavina. — 2006 [in Russian].
4. Bible Hub. — URL: <https://biblehub.com/matthew/10-34.htm> (accessed: 27.02.2023)
5. Masters K. Of John Updike and Vladimir Nabokov / K. Masters. — URL: <https://blog.bookstellyouwhy.com/bid/241895/Of-John-Updike-and-Vladimir-Nabokov> (accessed: 27.02.2023)
6. Nabokov V. Lolita / V. Nabokov. — Penguin Books, 2011. — 361 p.

7. Popova M. Nabokov on Inspiration and the Six Short Stories Everyone Should Read / M. Popova. — URL: <https://www.themarginalian.org/2013/06/17/nabokov-inspiration-1972/> (accessed: 27.02.2023)
8. Updike J. A Month of Sundays / J. Updike. — Penguin Books, 2007. — 228 p.
9. Updike J. Professor Nabokov / J. Updike. — URL: <https://www.nybooks.com/articles/1980/09/25/professor-nabokov/> (accessed: 27.02.2023)
10. Zanganeh L.A. Updike Redux / L.A. Zanganeh. — URL: https://www.guernicamag.com/updike_11_15_10 (accessed: 27.02.2023)